

Слова праведности эхом прокатились по горам, наполняя воздух решительностью. Джианг Хао, излучая мощь и энергию, потряс всех учеников Храма Цисин. Фан Хуэй, напротив, оставалась невозмутимой, ее лицо по-прежнему выражало сострадание и святость. "Хотите обвинить кого-то? Всегда найдется предлог. Если император Ся хочет объединить регион Тяньцзяо, срубить горы, разрушить храмы и уничтожить инакомыслящих, просто пошлите войска, чтобы убить нас. Мой Храм Цисин – место уединения, но вам не позволено лить грязь и порочить его репутацию." "Интересно, как вам удалось оказаться под прицелом, не испытывая страха? Все пять королевств имеют в своих гаремах учениц Храма Цисин, это факт." "Они любят друг друга и подходят друг другу. Разве это неправильно? Мои ученицы свободны в своих решениях. Они могут провести остаток жизни в уединении или же спустить свои волосы и спуститься с горы, чтобы найти счастье. Насколько мне известно, среди моих учениц есть те, кто испытывает особую симпатию к Вашему Величеству. Разве это невозможно?" Джианг Хао прищурил глаза, улавливая одну из сторон красноречия собеседницы. А вот вторая... Давайте, я джентльмен, не буду углубляться в ее смысл. "Старая воровка говорит двусмысленно. Где Цин Менсюань? Ее до сих пор нет. Может, эта старуха ее держит в плену? Ты осмеливаешься плести интриги против меня? Ты, похоже, не знаешь, где жизнь, а где смерть." Джианг Хао мягко улыбнулся: "Значит, учительница никогда не признает свою вину?" Фан Хуэй нахмурилась. Джианг Хао перечислил так много преступлений, но ее не задело слово "старая". "Император Ся, я уважаю вас как правителя страны, но запрещаю клеветать на меня без причины и рушить репутацию моего святого буддийского места. Здесь обитает Бодхисаттва, и мы не позволим миру осквернять и запятнать Дхарму". Эти слова звучали уверенно и праведно. Вокруг, во дворах, среди пышных лесов и бамбуковых рощ, за причудливыми скалами и могучими деревьями, одна за другой появлялись фигуры в черных одеяниях, безмолвно следуя за Фан Хуэй. Высокие и тонкие, бледные и полные, средних лет и в расцвете сил, с лицами, как у ребенка, и огромными телами, пухлые и толстые... далее я не могу описывать – Томат запрещает мне. Дополните сами свою фантазию. Джианг Хао мигнул, мигнул еще раз, а потом снова. Наконец, он был вынужден закрыть глаза. Слишком много цветов, от них рябило в глазах. "Черт! Это настоящий рай, но старая воровка Фан Хуэй испортила все. Не знаю, сколько красавиц оказалось на ее пиратском корабле, осквернены ею, утратили совесть. Какая трата! Убить их – не достаточно, чтобы успокоить гнев в моей душе." Глаза Джианг Хао холодно блеснули, он взглянул на сотни учениц Храма Цисин. Будь то монахини или практикующие, все смотрели на него с горечью и злостью, словно на непреодолимого злого демона. Хоть и боялись, но упорно держались своих убеждений, отказываясь подчиняться. "К счастью, похоже, большинство не поддались искушению и сохранили твердую веру". Джианг Хао уставился на Фан Хуэй пылающим взглядом. "Старая воровка, как бы ты ни красноречиво говорила, ты не сможешь изменить те отвратительные преступления, которые совершила. Ты постоянно называешь себя буддийской ученицей, но на мой взгляд, тот Будда, о котором ты говоришь, действительно слеп и не может отличить добро от зла. Иначе он не позволил бы такой злой личности, как ты, клониться перед ним, сжигать благовония и травить живых существ от имени Будды". "Донор Джианг, ты упрям и говоришь злые слова, оскверняя истинного Будду. Ты должен знать, что учения Будды бесконечны. Хотя они милосердны и спасают мир, они также могут гневаться. Если ты не уважаешь Будду, кара наступит рано или поздно". Глаза Джианг Хао невольно заблестели, на его лице появилась улыбка. "Старая воровка, ты сказала, что учения Будды бесконечны, но как ты можешь доказать, что представляешь истинного Будду? Мне кажется, ты – злой демон в буддийской одежде". "Амитабха, слова донора, несомненно, абсурдны". Когда она пропела имя Будды, буддийский свет, окружающий Фан Хуэй, стал ярче, от ее тела потянулись струйки золотого света, сострадательного и торжественного, с легким ароматом сандалового дерева, озаряя небо на несколько футов вверх. "Учения моего Будды – самые праведные и справедливые. Только те, у кого поистине открытый ум, могут достичь успеха. Злые демоны и еретики держатся от них подальше, так как же они могут притворяться Буддой? Донор Джианг, у тебя нет сострадания, ты знаешь только как безжалостно убивать, это не

правильный путь. Однажды ты понесишь ответственность за свои действия". "А? По словам старой монахини, получается, что такой человек, как я, полный убийства, не может практиковать буддизм?" "Это естественно. Наш Будда направляет людей к добру и ненавидит кровавое убийство. И тем не менее, и даже господин Джианг может повернуться к лучшему, отбросить свой мясницкий нож и скоро раскаяться. Тогда, если Бодхисаттва еще жив, он позволит тебе практиковать нашу буддийскую Дхарму и достичь того берега". "Ха-ха, хорошо, хорошо, это то, что я хотел услышать от старой монахини! Буддийские учения можно практиковать только праведным людям, так что давай посмотрим, являюсь ли я, император, злым еретиком". Джианг Хао громко засмеялся, слегка повернулся и сразу же испустил бесконечный буддийский свет, озаряя вершину Императорской горы. И не только. В пустоте зазвучали санскритские песнопения и звуки чтения молитв. В то же время в воздухе появились неясные образы Ваджры, драконов, пагод, золотых лотосов, буддийских лампад, а также павлин-король расправил свои пестрые крылья и полетел по небу. "Ами... Этот вращающийся Будда! Фан Хуэй, божество пришло, знаешь ли ты свои грехи?" Ба-бах! Монахини в Храме Цисин, как будто пораженные громом, с разинутыми ртами и распахнутыми глазами стояли неподвижно, в их глазах была бесконечная путаница. "Ами... Ах, это... Это же... Это Ваджра-самадхи-дхарма? Будда, помилуй меня, это невозможно!" "Действительно невозможно. Ваджра-самадхи – одна из 108 великих магических сил буддизма. Ее очень сложно практиковать. Как он мог ее использовать?" "Ха-ха-ха, для такого сверхъестественного дара буддийским ученикам нужно прочитать буддийские священные тексты 100 000 раз с одним сердцем, с ясной головой и без пыли в душе, только тогда мысль может возникнуть". "Условия такие жесткие, что их может выполнить только великий монах. Как он, большой дьявол, который убивает людей, не моргая глазом, смог достичь Ваджра-самадхи? Я не верю!" Лицо Джианг Хао сияло, как маленькое золотое солнце, полное торжественности и святости. С буддийскими образами вокруг него, он походил на живого Будду или бодхисаттву. "Ты не веришь, а? Есть много людей, которые не верят этому живому Будде. Кто ты такой, чтобы сомневаться?" Он гордился в душе, и его выражение стало еще более величественным, даже с некоторым оттенком гнева Мин-ванга. "Фан Хуэй, ты используешь имя Будды, чтобы нарушить мир в мире. Ты контролируешь внутренние дела разных стран, преследуешь инакомыслящих, убиваешь невинных людей. Ты тайно разводишь ядовитых насекомых, которые питаются человеческой кровью и используют души в качестве жертв. Ты разжигаешь войны между странами и относишься к жизни, как к шутке. Ты отравила сотни миллионов людей. Твои действия греховны и ужасающи. Теперь я пришел, я буду представлять Будду, чтобы изгнать тебя из буддизма и наказать тебя по закону без всякой пощады". Одни и те же слова, произнесенные императором Дася и живым Буддой Тяньцзяо, имеют совершенно различный эффект. Особо-бенно сейчас, чтобы защитить себя, Фан Хуэй отчаянно использовала буддизм, чтобы говорить о вещах, и создавала буффы для себя. Но теперь ситуация изменилась. И буффы врага в десятки, а то и в сотни раз сильнее, чем ее собственные. В итоге - она сама наступила на грабли. Старая монахиня была в шоке, ей хотелось плакать, но у нее не было слез.